

ПРОЩАЙ, ЭММАНУЭЛЬ

Малибу. Полдень. Тихий отель на берегу.
— Я хотела бы снять комнату с видом на океан, — произнес приятный голос с легким акцентом. Портье, вот уже добрых полчаса безуспешно воюющий с кнопками на пульте барахлящего кондиционера, поднял голову и увидел перед собой стройную женщину средних лет в нелепой широкополой шляпке с искусственным пионом.

Попав на конкурс красоты «Мисс Телевидение Европы», устроенный одним популярным каналом, Сильвия получила первый приз — тысячу гульденов, «Мерседес» и путешествие на Ямайку (на снимке: участницы конкурса, Кристель сидит в центре)

— а какой срок? — дежурно поинтересовался он.

— Пока не знаю. Может, на все лето, может, на полгода... — ответила незнакомка.

Портье кивнул и жестом пригласил ее следовать за ним. Уже на лестнице, заметив внушительных размеров мольберт и походную сумку гостыи, он неодобрительно покачал головой:

— Поспешу вас предупредить, мэм, что у нас весьма строгие правила относительно... э-э-э... соблюдения чистоты и порядка. Если вы художница и работаете маслом, то...

— Никаких проблем, — улыбнулась в ответ женщина, — раз у вас все так строго, значит, придется рисовать только акварели. Эта краска легко удаляется водой.

Оказавшись в светлой просторной комнате, женщина всплеснула руками:

— Какая красота... Я всю жизнь мечтала жить в такой белой и чистой комнате! Знаете что, мне это подходит.

Через несколько минут формальности были улажены. Гостя расписалась в журнале и внесла залог. Портье пожелал ей приятно провести время и добавил:

— Мой вам совет — выходите на берег в четыре утра. На рассвете у нас так красиво!

Когда дверь за ней закрылась, мужчина поймал себя на мысли, что где-то уже видел эту женщину и слышал

за этими странными загорелыми девушками, Сильвия словно увидела себя со стороны — такую жалкую, старую и смешную тетюшку, огородное пугало, восседающее на песке. Зачем обманывать саму себя — она ведь приехала сюда вовсе не за вдохновением, а за воспоминаниями о том времени, когда сама Сильвия Кристель была молодой, ослепительно красивой женщиной по имени Эммануэль и перед ней склоняли колена самые роскошные мужчины Голливуда!

СИЛЬВИЯ ОТОВСЮДУ УХОДИЛА ПО ОДНОЙ И ТОЙ ЖЕ ПРИЧИНЕ: ЧЕРЕСЧУР НАВЯЗЧИВОЕ ВНИМАНИЕ МУЖЧИН, БУКВАЛЬНО НЕ ДАВАВШИХ ДЕВУШКЕ ПРОХОДА

этот голос с акцентом. Но где, когда, при каких обстоятельствах — он решительно не мог вспомнить. За свою долгую службу в этом отеле портье конечно же успел насмотреться на разных постояльцев. Наверняка какая-нибудь стареющая миллионерша, убивающая время бездарной живописью. И все же... где-то он ее точно видел. Портье снова раскрыл журнал и, с трудом разобрав каракули незнакомки, прочел ее имя: Сильвия Кристель. Но и оно ему ровным счетом ничего не сказала. Мужчина пожал плечами, захлопнул журнал и снова принялся за кондиционер.

...Сильвия открыла глаза ровно в 7.30 утра. Именно в это время она каждое утро вставала вот уже несколько лет подряд. Последние годы Сильвия почти не снималась в кино — она зарабатывала на жизнь тем, что продавала акварельные картины с обнаженной натурой. Приняв душ и накинув длинное легкое платье до пят, она водрузила на голову широкополую шляпу с пионом и, прихватив походную сумку с акварелью и бумагой, отправилась на пляж. Жаркий калифорнийский полдень был в самом разгаре. Прекрасные обнаженные купальщицы на знаменитом женском нудистском пляже в Малибу, ради которых она преодолела столько километров, уже наверняка разворачивали свои махровые полотенца.

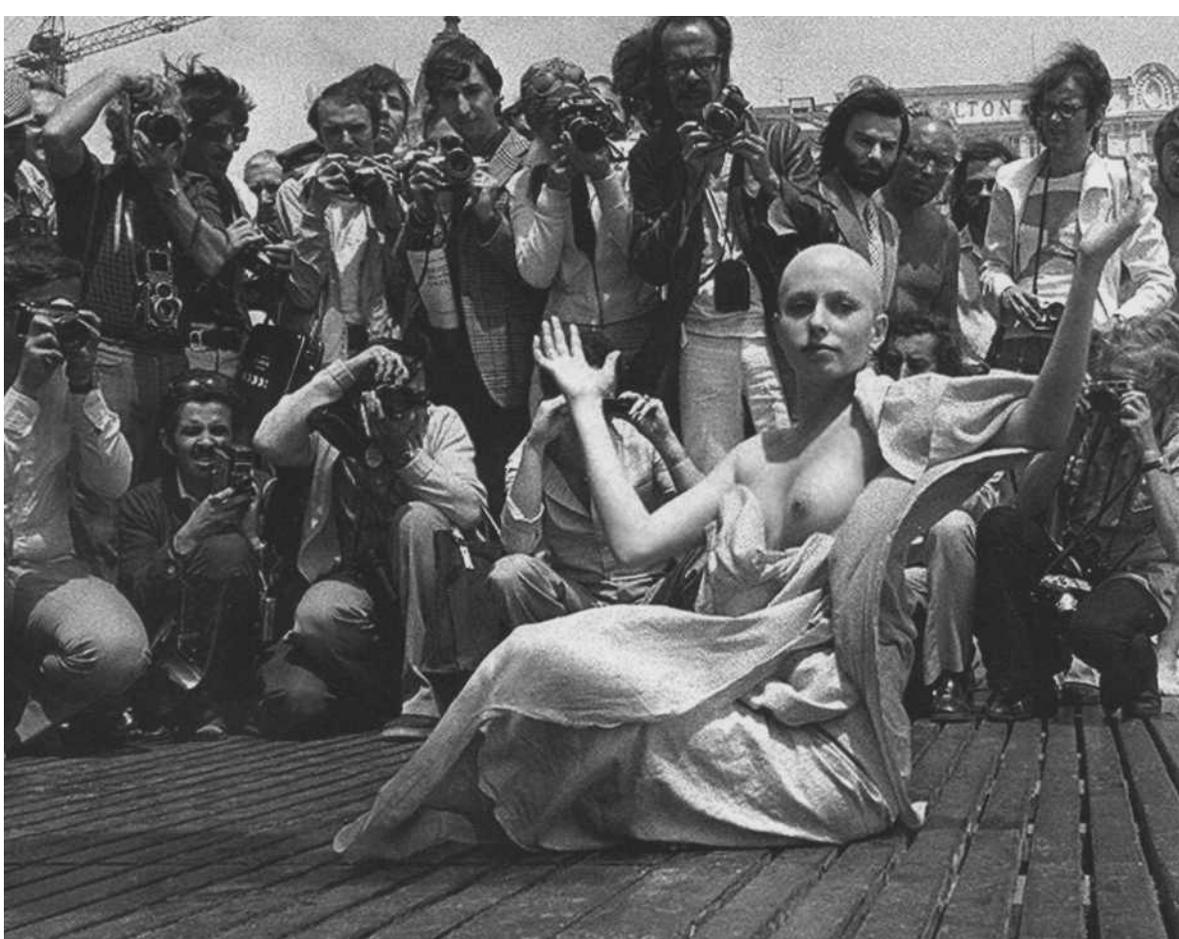
Удобно расположившись на песке, Сильвия стала рассматривать разнеженных отдыхающих, выбирая себе модель. Многие девушки действительно были очень красивы, и, судя по всему, их совсем не смущало присутствие этой нелепой дамы в длинном платье и шляпке. Красавицы визжали, с хохотом убегая от накапывающих волн, играли в волейбол, кормили чаек. Внимание Сильвии привлекла изящная брюнетка с длинными мокрыми волосами. Достав папку с бумагой и карандаш, Сильвия сделала пробный набросок.

Странно, но от этой первой линии, зафиксированной на бумаге изящный изгиб молодого тела, на нее неожиданно накатила такая волна грусти, что Сильвия даже поежилась.

Хотя чего, собственно, она ждала? Ее юность и красота канули в безвозвратное прошлое, и сейчас, наблюдая

Шеррье водил Сильвию по ресторанам и магазинам, проводил с ней все ночи, а она продолжала наивно ждать мифического кастинга

Каннский фестиваль 1974 года. Через пару месяцев в прокат выйдет знаменитая «Эммануэль», и Сильвия Кристель станет звездой

Когда Ян узнал, что Сильвия полетит одна, он все понял: «Мне не подойдет роль цепного пса. Я мечтал быть твоим мужем, а не охранником»

Незнакомые женщины присылали ей драгоценности и восхищенные записки, подходили на улице, нежно пожимали кончики пальцев, заговорщически шептали: «Браво». Мужчины краснели, робели, как овцы, и отводили смущенный взгляд. Сильвия упивалась своей

славой. Она могла позволить себе все, о чем в юности, воспитываясь в семье со строгими религиозными устоями, боялась даже помыслить. Папа прочил для своей дочки стабильное будущее — официантки бара в принадлежащем семье привокзальном отеле городка Ут-

рехта, а она взяла да и сбежала из дома, уехав за удачей в Амстердам. Нанималась на разные работы и отовсюду уходила по одной и той же причине: чересчур навязчивое внимание мужчин, буквально не дававших Сильвии прохода, где бы она ни оказалась. Больной старик, к которому Кристель устроилась ночной сиделкой, шепелявил всякие сексуальные мерзости, противно шаря сухонькой ручонкой по ее коленкам в поисках чулочной подвязки. На бензоколонке, куда она устроилась заправщицей, к Сильвии выстраивалась такая очередь из возбужденно гудящих машин, что управляющий очень скоро вызвал ее к себе в кабинет для прощального разговора.

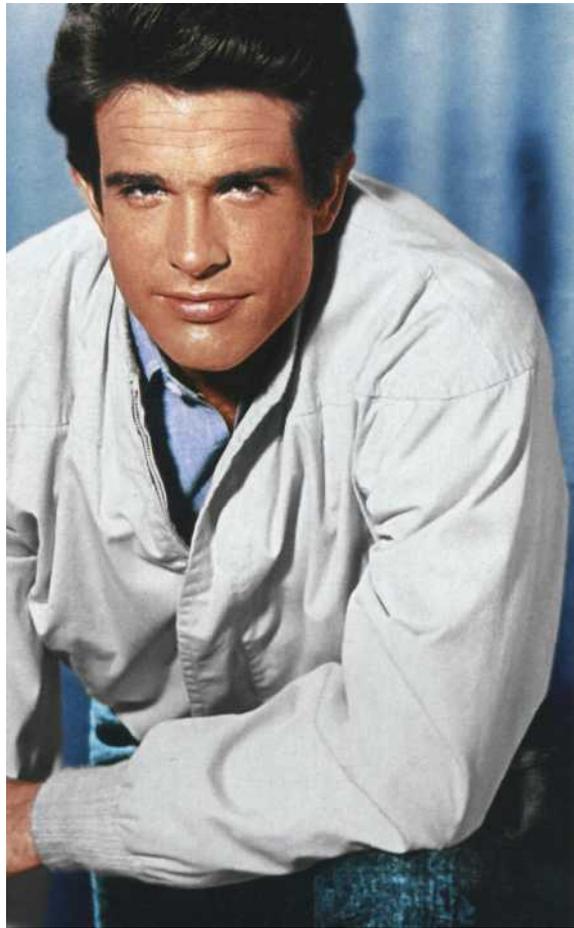
— Простите, Сильвия, — запинаясь сказал он ей. — Я знаю, что несправедливо вас увольнять и вы, конечно, ни в чем не виноваты. Но... понимаете, у меня маленькие дети, и я не хочу, чтобы они слышали, как эти озабоченные идиоты вопят во весь голос: «Эй, крошка, ну когда же ты мне заправишь?..»

В конторе, куда Сильвия поступила секретаршей, ее чуть было не изнасиловал сам босс, мистер Краббе — причем буквально на третий день. Дождавшись окончания рабочего дня, он любезно предложил подвезти девушку до гостиницы, где она в то время жила. А вместо этого повез ее в глухой безлюдный район новостроек, разорвал платье (единственное, между прочим), поцарапал лицо и шею, и если бы по чистой случайности возбужденный начальник не забыл заблокировать двери салона, девушке вряд ли удалось сбежать.

Естественно, на ту работу она уже не вернулась. Сильвия не просто испугалась — она была в отчаянии. Чем ей заниматься? Где? Ей казалось, что повсюду, куда бы она ни направлялась, ее поджидают коварные ловушки, а похотливые мужчины простирают к ней руки-щупальца, от которых не спрячешься, не увернешься. Вот когда, пожалуй, Сильвия впервые пожалела о том, что так рано сбежала из родительского дома. С другой стороны, где-то в глубине души ей было все-таки приятно, что мужчины считают ее привлекательной, желанной, из-за нее они теряют голову и способны на самые безрассудные поступки, даже на преступление!

Неожиданный выход из этого нелепого тупика предложил знакомый фотограф Ян. «Сильвия, ты даже не понимаешь, какое ты сокровище! — уверял он. — Давай я сделаю тебе серию снимков для модельного агентства. Не отказывайся, это именно то, что тебе нужно». Ян оказался прав. Начав карьеру модели, Сильвия тотчас же получила множество предложений от агентств, подписала контракты, стала сниматься в рекламе, эпизодических ролях, а попав на конкурс красоты «Мисс Телевидение Европы», устроенный одним популярным каналом, даже получила первый приз — тысячу гильденов, «Мерседес» и путешествие на Ямайку. Ей неожиданно открылась такая жизнь, о которой она раньше не могла даже помыслить.

На одной из светских тусовок, куда были приглашены знаменитости из мира кино, к смущавшейся юной Сильвии подошел симпатичный и обаятельный актер Жак Шеррье, бывший проездом в Амстердаме. Она видела его в кино и знала, что этот самый Шеррье — муж самой Брижит Бардо, женщины, которой она восхищалась.

После того как они с Урреном расстались, Сильвию долго мучил вопрос: каким же комментарием Битти сопроводил ее имя в своем любовно-послужном списке?

Через несколько недель, когда Сильвия и думать забыла о заезжем ухажере, она получила по почте... один оплаченный авиабилет «Амстердам — Париж» с краткой припиской: ее ждут на пробы фильма «В борделе», номер в парижском отеле уже заказан. О сопровождавшем лице, естественно, не сообщалось ни слова.

Когда Ян узнал, что Сильвия полетит одна, он все понял. Но устраивать сцену ревности не решился:

— Не думаю, что мне подойдет роль цепного пса. Я мечтал быть твоим мужем, а не охранником.

Сильвия удивилась.

— Но ведь меня не будет всего несколько дней! Я вернусь, и мы поженимся! — уверяла она Яна.

...Шеррье лично встретил Сильвию в аэропорту Орли и отвез в отель, где по странному совпадению занимал соседний с ней номер. Вряд ли Брижит Бардо была в курсе, что ее супруг завел интрижку с неизвестной голландской моделью, иначе она закатила бы первую-классную истерику и устроила грандиозный скандал в прессе. Каким-то образом их роман остался незамеченным журналистами. Естественно, никаких проб не было и в помине. Шеррье водил девушку по ресторанам и магазинам, проводил с ней все ночи, а она продолжала наивно ждать мифического кастинга. Через две недели Сильвия обнаружила на столике у своей кровати билет в Амстердам на ее имя, купленный Шеррье.

Весь обратный путь Сильвия проревела в три ручья.

Вряд ли Брижит Бардо была в курсе, что ее супруг завел интрижку с голландской моделью, иначе она закатила бы первую-классную истерику

— Вы божественно красивы, — галантно произнес Жак, поцеловав Сильвию руку. — И будете замечательно смотреться на большом экране. Как только я вернусь во Францию, незамедлительно договорюсь о кинопробах для вас и пришлю приглашение в Париж! Я уверен, вы его покорите...

Шеррье не отходил от девушки весь вечер, учтиво подносил ей сладкое, фрукты и вино. Причем француза совершенно не смущало присутствие рядом с Сильвией близкого друга Яна — того самого молодого фотографа, который изменил ее жизнь и с которым она поселилась под одной крышей в маленькой съемной квартире неподалеку от городского цветочного рынка. Ян был так влюблен в свою красавицу, что их скорый брак уже считал делом решенным. Сильвия отвечала ему взаимностью. Шеррье, впрочем, это не смутило — он весело болтал с Яном, пообещал даже выслать приглашение и ему тоже, как сопровождающему лицу:

— О, я вас отлично понимаю, мой друг. Надо быть безумцем, чтобы позволить такой прекрасной женщине путешествовать одной, да еще по Парижу...

Циничный поступок Шеррье словно отбросил ее в прошлое, от которого она, как ей казалось, давно освободилась. Прошлое, в котором ее преследовали похотливые самцы, жаждущие только плотских удовольствий. А может... это не они, а она сама во всем виновата? Может, она ведет себя неправильно, она вульгарна, развязна и провоцирует мужчин на подобное отношение? Почему Шеррье использовал ее как игрушку? Чем, в конце концов, она хуже его драгоценной жены?..

И потом ее мучила ссора с Яном. Как он мог бросить ее, ни в чем не разобравшись? Значит, он никогда не верил в нее? Но ведь он был так благороден, так нежен и добр с ней...

И все-таки не о таком спутнике жизни мечтала Сильвия. Ее идеальный мужчина должен быть силен и отважен — он ни при каких обстоятельствах не отпустил бы возлюбленную одну в такое сомнительное путешествие. Просто ей трагически не везет, и она встречает только слабаков и уродов.

...Сильвия почувствовала, как горячий песок жжет ее сквозь платье. Сколько она уже сидит здесь, предаваясь

меланхоличным блужданиям по своему прошлому? Полчаса, час? пляж еще полон. И даже та самая красивая брюнетка продолжает резвиться в изумрудных волнах.

Ее опять охватили воспоминания. Сильвия увидела себя лежащей в молочной ванне с рюмкой текилы. Уже полночь, но она не спит. Не помогает ни снотворное, ни алкоголь. Она только что рассталась с очередным близким другом. Каким именно? Кто знает, она уже сбилась со счета. В эти мучительные ночные бдения лица ее прежних любовников соединялись в одно большое уродливое лицо какого-то хохочущего клоуна. Паля явно издевался над ней, над ее бесплодными надеждами найти идеального партнера. Став знаменитой женщиной, она так и не смогла избавиться от замашек провинциалки из захолустного Утрехта, вырвавшейся на свободу из-под строгой опеки родителей. Со временем ее попытки найти этот самый чертов идеал приоб-

ретали все более странные формы. А когда Сильвия подседала на наркотики и алкоголь, поиск превратился в болезненное, навязчивое состояние. «Невозможный возлюбленный» грезился ей всюду: она не знала, каким он должен быть — как выглядеть, какими качествами обладать. Сильвия была уверена лишь в одном: она должна встретить его во что бы то ни стало.

Уже второй год Кристель принимает по одному грамму кокаина в день. Но если раньше она чувствовала себя изумительно, то теперь ее мучили бессонница, чувство непроходящей физической усталости и, самое страшное, — галлюцинации. Сильвии часто казалось, что ее носит под потолком дома неведомая сила, затягивая во всевозможные щели, выключатели, замочные скважины и вазы. Иногда видения вводили ее и внутрь картин, которые она рисовала, и она блуждала в них часами, разговаривая с персонажами.

«Идеальный мужчина» грезился Кристель всюду: она не знала, каким он должен быть — как выглядеть, какими качествами обладать. Сильвия была уверена лишь в одном: она должна встретить его во что бы то ни стало

Незнакомые женщины присылали ей драгоценности и восхищенные записки, подходили на улице, нежно пожимали кончики пальцев, заговорщически шептали: «Браво». Мужчины краснели, робели, как овцы, и отводили смущенный взгляд. Сильвия упивалась своей славой

Хуго, встав на колени, попросил Сильвию стать его женой, после того как на свет появился их сын Артур

Кристель боялась обратиться к врачам. Тысячу раз Сильвия проигрывала эту сцену: она, Эммануэль, кинозвезда, заявляется в калифорнийскую клинику на заплетаящихся ногах, благоухая перегаром, с растекшейся тушью; с диким акцентом, коверкая слова, признается в том, что ей нужна медицинская помощь. Какое унижение, какая мерзость... Да ее на следующее же утро сотрут в порошок все газеты Америки, и карьере точно придет конец.

И еще... все узнают о ее тайне. Об этом оголтелом поиске совершенного мужчины, который уже увел ее в такие непролазные дебри, что выбраться из них Сильвия, кажется, не в состоянии. Она спит со всеми подряд — осветителями, поварами, курьерами, продюсерами, кинозвездами и просто случайными незнакомцами, встреченными в транспорте или на ночной улице. Она понимает, как это выглядит со стороны — распутная молодая женщина в поисках особых эротических ощущений. Полное соответствие экранному образу! Но как она может объяснить всем этим людям, которые будут бросать на нее осуждающие, брезгливые взгляды, что за этим стоит страстное, превратившееся в болезнь желание встретить совершенного мужчину?

А его между тем все нет и нет. Ее многочисленные романы, интрижки и увлечения заканчивались одинаково — мужчины уходили от нее по разным причинам, но каждый раз смертельно обиженные. Чего только они не ставили ей в вину! Один ученый, порядочный отец семейства, с которым Сильвия познакомилась в лифте своего дома в Амстердаме, рыдал на ее груди с причитаниями: «Ты открыла мне такие способы получения наслаждения, что теперь я больше не смогу испытывать

Кристель боялась обратиться к врачам. Какое унижение, какая мерзость... Да ее на следующее же утро сотрут в порошок все газеты Америки!

радость от традиционного секса. Ты растлила меня, раздуверила в очень многих вещах. Подле тебя я вдруг понял, какой тупой жизнью...» — и далее в таком же духе. Сильвия разрушала крепкие браки, вводила пожилых дядечек от их пожилых жен, развращала совсем «зеленых» мальчишек. Она могла соблазнить случайного пассажира в трамвае, с которым встретила глазами. Молодой парень, шедший в обнимку со своей девушкой, мог бездумно оставить подружку и, как сомнамбула, последовать в первую же поворотную за Сильвией. Поначалу ее забавляли подобные сексуальные вылазки и дерзкие эксперименты с незнакомцами, но со временем она стала понимать довольно страшную вещь — ни на что другое она просто не способна. Ее хотели, словно кусок пирога, но как только вожаемое лакомство съедлось, тут же начинались разговоры о вреде сладкого.

Мужчины, с которыми она состояла в близких отношениях, после расставания не плакали, не звали ее на-

зад, не теряли сон и аппетит. Они продолжали жить, заперев воспоминание о Сильвии в далекий ящик своей памяти. А вот с ней творилось неладное. Она превращалась в издерганную истеричку, пьяницу, наркоманку, смешно грозящую кулачком обидевшей ее толпе...

...Сильвия не спускала глаз с прекрасного тела куपालщицы. Она все еще пыталась запечатлеть на бумаге плавные линии изгибов ее бедер, ног, шеи, но сегодня работа явно не клеилась. Сильвия вспомнила, как много лет назад бездумно влюбленный в нее писатель Хуго Клаус признался ей:

— Мне хотелось бы написать роман, каждая строчка которого будет посвящена описанию твоего тела. Оно совершенно. Оно непостижимо прекрасно...

Хуго был единственным, кто задержался в ее жизни надолго. Единственный, за кого она действительно мечтала выйти замуж, которому хотела родить ребенка и в котором, быть может, и вправду увидела свой идеал...

Интеллектуал, умница, полный добродушной иронии к самому себе и окружающим, он совершенно серьезно считал ее богиней в человеческом теле, воплощением Женственности. Хуго ее боготворил — готовил завтраки, стирал ее чулки, стелил ей постель, на руках относил в ванную. Когда она сообщила ему, что беременна, Хуго в чем был выбежал на улицу и в первом же цветочном магазине скупил все розы, которые были в продаже.

После того как на свет появился их сын Артур, Хуго, встав на колени, попросил Сильвию стать его женой. Она согласилась. Сильвия чувствовала себя окрыленной, полностью излечившейся от прошлых недугов, комплекса вины, самоуничижительных измышлений.

И тут произошло нечто. Хуго случайно узнал от анонимных доброжелателей, что все это время его будущая жена... не отказывала в любовных утехах молочнику из лавки напротив их дома. Он собрал вещи, оставил Сильвию деньги, прощальную записку и... стопку испитых нервным почерком листов. Это были черновики того самого романа «Тело моей женщины», над которым он работал.

«Ты по-прежнему любовь всей моей жизни, — написал ей Хуго. — Нас разлучил не молочник... а твоя сущность, с которой я, похоже, никогда не смогу примириться. Наша беда в том, что ты находишься в постоянном поиске, ты готова любить всех мужчин. А я так хо-

От неожиданной грубости молодой женщины Битти Уоррен аж рот открыл. Он так растерялся, что даже не нашелся, что ответить.

— Скажи, а это правда, что о тебе здесь сплетничают? — понизив голос, поинтересовалась Сильвия.

— Обо мне?... — Битти все никак не мог прийти в себя.

— Ну, что ты спишь со всеми подряд и способен... по пять раз за ночь. Знаешь, это интересно. Может, поделиться опытом?...

Сильвия смотрела Битти прямо в глаза, на ее красивых губах блуждала улыбка, а кончик лаковой туфельки уже поднимался вверх по его ноге.

— А еще я слышала, что ты ведешь счет своим подружкам. Покажешь мне список? Лично я ленюсь делать записи. Человек пятьдесят помню — из тех, которые были ничего себе. А на остальных даже память тратить не хочется.

Уоррен не знал, куда деться и под каким предлогом сбежать от этой сумасшедшей нимфоманки. Сильвия торжествовала:

— Сразу говорю, поза «женщина снизу» мне не нравится — так что имей в виду. Да, и еще — я очень царапаюсь. Так что если у тебя есть возлюбленная, лучше заранее придумай для нее «отмазку»...

После того как они расстались, Сильвию долго мучило любопытство, каким комментарием этот плей-

Хуго узнал от анонимных доброжелателей, что все это время его будущая жена... не отказывала в любовных утехах молочнику

тел стать для тебя единственным... Увы, это оказалось невозможно...»

...Уезжая в Голливуд, Сильвия оставила сына на попечение своей матери. В Америке она намеревалась задержаться надолго, поэтому обзавелась просторным особняком и полезными связями. Свободное от съемок время тратила на вечеринки, рестораны, хождение по магазинам и любовные приключения. Она была молода и беспечна, ей казалось, что впереди еще множество долгих лет красоты и любви, приятного секса, денег и теплых калифорнийских ночей. И самое главное — впереди ее наверняка ждет тот, кого она так долго искала...

...Сильвия улыбнулась, вспомнив, как вскружила голову Уоррену Битти.

Она познакомилась с ним в ресторане неподалеку от Сансет-бульвара. Сидящий за соседним столиком Уоррен сначала бесцеремонно разглядывал ее, а потом встал, подошел и без лишних реверансов опустился рядом на стул.

— Вы знаете, какой вопрос меня мучил с первого дня, как я увидел вас в кино? — спросил он, вальяжно закинув ногу на ногу и слегка вскинув брови. Видимо, Битти считал, что подобное поведение действует на слабый пол сногшибательно.

Сильвия не растерялась. Так же вскинув брови, она ответила ему не менее вальяжным тоном:

— Умею ли я трахаться так же здорово, как эта сучка Эммануэль?

бой сопроводил ее имя в своем любовно-послужном списке? Много позже, снимаясь в картине «Красная жара», она случайно столкнулась с Битти в кулуарах голливудской студии. Уоррен попытался сделать вид, что не узнал Сильвию. Но она догнала его, схватила за рукав:

— Что ты написал против моего имени в своей записной книжке? Говори немедленно, иначе я завижусь и скажу всем, что ты ко мне приставал!

Битти, побелев, огляделся по сторонам. И, нервно вырвавшись, бросил:

— Небольшой комплимент самому себе: «Сильвия Кристель — это Уоррен Битти в юбке».

В общем, вскоре ее голливудская карьера закончилась так, как и должна была закончиться. Сильвия вышла замуж за одного лошеного светского подонка — она до сих пор не понимает, зачем это сделала. Вскоре последовали развод, скандал и шумный, оскорбительный раздел имущества. Ей пришлось продать свои дома — в Лос-Анджелесе и Голландии, оставить бывшему мужу книги, картины, мебель, множество милых сердцу привычных вещей. Переехав в Брюссель, Сильвия решила закрыться от всего мира и полностью посвятить себя живописи. Время от времени ее разыскивали американские и европейские продюсеры, и ради денег, в которых она очень нуждалась, Кристель была вынуждена соглашаться на все предложения — от крошечного эпизода до пошлой мыльной оперы...

Артур Кристель пошел по стопам своей знаменитой матери — он тоже стал актером

...Сделав последний штрих, Сильвия захлопнула папку. Рисунок прекрасной купальщицы она не предложит галерее — все равно он по большому счету не получился. Она оставит его себе — как воспоминание об этом солнечном дне и обо всем том, что у нее было когда-то. Ярая противница пластической хирургии, Сильвия уже давно перестала вести счет предательским морщинкам. В зрелом возрасте она будто бы превратилась в карикатуру на свою Эммануэль. Она неумолимо дряхлая, сохла, ветшала, ей уже нравилось валяться на диване в толстых шерстяных носках, смотреть сериалы, читать светские сплетни в газетах... Да уж, о таком эпилоге своей жизни она точно не мечтала.

Когда Сильвия закрыла за собой входную дверь, пря-

мо перед ней неизвестно откуда появился портье. Его глаза странно блестели.

— Мисс Кристель, я хотел... Простите, я просто сразу не узнал вас. Даже не знаю, как начать. В 1974 году летом я впервые пошел в кино без родителей... Вы, вы... одна из самых красивых, самых нежных женщин, которых я...

Сильвия жестом заставила его замолчать.

— Может, поднимемся ко мне в комнату? — с улыбкой предложила она. — Здесь жутко душно. Но после банки пива я буду готова выслушать хоть всю историю вашей жизни.

И, поднимаясь по лестнице, почти инстинктивно подумала: «А может быть, это он?..»

Бернар Лавилье